

Г.Ю. Ирмер

Вальтер фон дер Фогельвейде

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г11

Г11 **Г.Ю. Ирмер**
Вальтер фон дер Фогельвейде / Г.Ю. Ирмер – М.: Книга по Требованию, 2017. – 78 с.

ISBN 978-5-518-06590-1

ISBN 978-5-518-06590-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

которыя ничѣмъ не отличаются отъ настоящихъ народныхъ пѣсенъ, а именно изъ пѣсенъ, предметомъ которыхъ служатъ весна, жатва и т. п., которыя написаны болѣе или менѣе въ духѣ народа, но были составлены для забавы двора. Это широкое народное основаніе есть главное преимущество средневерхненѣмецкой лирической поэзіи, и значеніе Вальтера-фонъ-деръ-Фогельвейде основывается преимущественно на той тѣсной связи, которую мы находимъ у него между совершенствомъ внѣшней формы, а также глубиною и искренностью его нѣмецкаго сердца.

Гдѣ Вальтеръ родился, неизвѣстно. Франконія, Тургау, Швабія и Тироль спорили за честь быть его родиной, какъ нѣкогда семь греческихъ городовъ оспаривали другъ у друга Гомера. За исключеніемъ одного преданія мейстерзенгеровъ, которое называетъ его однимъ изъ двѣнадцати предковъ своего искусства и говоритъ, что онъ уроженецъ Богеміи,—преданія, на которое никто не можетъ сослаться, какъ на авторитетъ, мы не имѣемъ никакого указанія изъ среднихъ вѣковъ и слѣдующаго за ними времени, которое сослалось бы хотя на какое-нибудь устное преданіе и дало бы свѣдѣнія о родинѣ поэта. Онъ самъ ничего не говоритъ объ этомъ, даже не называетъ себя полнымъ именемъ; только надписи на собраніяхъ его стихотвореній и похвальные или порицательные стихи его современниковъ знакомятъ насъ съ нимъ. Прибавленіе къ его имени „фонъ-деръ-Фогельвейде“ также не даетъ намъ, какъ при Вольфраму—фонъ-Эшенбахъ, Готфриду—фонъ-Страсбургъ, Вирнту—фонъ-Гравенбергъ и т. д., вѣрнаго указанія для отысканія мѣста его родины, потому что въ Германіи было и есть нѣсколько мѣстъ; которыя носятъ названіе „Vogelweide“, также нѣсколько родовъ, которые назывались такъ. Слово „Vogelweide“¹⁾ на языкѣ двѣнадцатаго столѣтія обозначаетъ не городъ, деревню или замокъ, но мѣсто, гдѣ разводили дикую птицу, болѣею частью для удовольствія или потребности какого-нибудь свѣтскаго или духовнаго лица, или обозначало мѣсто, куда птицы охотно спускались во время своего перелета. По такимъ мѣстамъ назывались часто и дворы, помѣстья дворянъ, находящіеся по близости ихъ, даже если на ихъ обитателяхъ не лежала обязанность заботиться о птицахъ, какъ мы встрѣчаемъ это, на примѣръ, и въ наше время въ Вестфаліи. близъ Рейна. въ Франконіи, Тиролѣ и Швейцаріи. То, что поэтъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній называетъ франконскихъ государей „нашими родными государями,“ не можетъ служить доказательствомъ, что его родину надо искать во

¹⁾ На древневерхненѣмецкомъ—fogilweida, равнозначущее avarium.

Франконіи, напр., близъ Вюрцбурга. Изъ его собственныхъ словъ (Лахманъ 32, 14, см. приложение 1) мы знаемъ только, что онъ выучился „singen unde sagen“ ¹⁾ „пѣть и писать стихи“ въ Австріи, т.-е. что онъ выучился тамъ искусству тогдашняго поэтическаго языка, который значительно отличался отъ языка обыденной жизни; для этого искусства требовалось и музыкальное образованіе, потому что въ то время поэтъ долженъ былъ самъ составлять мелодію для своихъ пѣсенъ и долженъ былъ самъ умѣть пѣть ихъ, аккомпанируя себѣ на скрипкѣ. Если между всѣми поименованными мѣстностями современное общество мнѣніе болѣе всего склоняется признать Тироль за родину поэта, то Тироль обязанъ этимъ только усердію и дѣятельности своихъ представителей, а не болѣе вѣскимъ доказательствамъ; о доказательствахъ вообще не можетъ быть и рѣчи. Всѣ доводы, которые приводились въ пользу Тироля, не имѣютъ никакого основанія. всѣ историческія объясненія лишены фактической подкладки. Напротивъ, скорѣе можно прійти къ убѣжденію, что Тироль не есть родина Вальтера, потому что нельзя указать, чтобы онъ когда-либо пребывалъ тамъ. Неужели онъ, бродя по всему свѣту, никогда не ощущалъ потребности вернуться къ горамъ своей прекрасной и тогда еще богатой родины. и неужели онъ нигдѣ не указалъ бы намъ этого? Въ его стихотвореніяхъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда своеобразнаго величія тирольскихъ ландшафтовъ: ни одна поэтическая картина и ни одно описаніе природы не обязаны своимъ происхожденіемъ Тиролю. Но мы далеки отъ того, чтобы относиться недружелюбно къ радости тирольцевъ относительно Вальтера-фонъ-деръ-Фогельвейде, идеальную статую котораго Генрихъ Наттеръ ²⁾ недавно воздвигъ на площади св. Іоанна въ Боденѣ. Никто такъ много, какъ тирольцы, не способствовалъ пробужденію воспоминанія о Вальтерѣ и возбужденію интереса къ нему въ настоящее время. Трудно было бы найти болѣе пригодное мѣсто для памятника Вальтера, какъ тамъ, на границѣ Германіи и Италіи, близъ пути, по которому шло въ походѣ на югъ столько германскихъ мужей прежнихъ временъ, и отправляется въ Италію столько германцевъ новѣйшихъ временъ, чтобы среди разнообразныхъ проявленій ея жизненности, среди ея ландшафтовъ и ея искусства почерпнуть бодрость и свѣжесть для работы на родинѣ.

Нѣсколько лучшія свѣдѣнія мы имѣемъ о времени рожденія Вальтера. Основываясь на томъ, что Вальтеръ въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ стихотвореній (Лахманъ 66, 27, см. приложение 2) гово-

¹⁾ Собственно: „пѣть и декламировать“.

²⁾ Извѣстный скульпторъ.

рить, что онъ поетъ уже 40 лѣтъ, можно сказать, что онъ родился незадолго до 1170 года и, вѣроятно, началъ свое поэтическое поприще во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ. Мы можемъ это такъ назвать потому, что для Вальтера занятіе поэзіей было должностію, онъ этимъ зарабатывалъ пропитаніе.

Что касается его происхожденія, то онъ былъ дворянинъ и рыцарь, но принадлежалъ не къ высшему, а къ низшему, притомъ бѣдному дворянству, которое не могло жить доходами со своихъ наследственныхъ помѣстій и потому было принуждено искать службы у королей, князей и фрейгеровъ. Вальтеръ самъ титулуетъ себя *hêr*, т.-е. господинъ, что могли только дворяне. Его современники такъ же, какъ и Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ, титулуютъ его не иначе, какъ *hêr*. Для молодого человѣка его происхожденія и состоянія въ то время были открыты немногія дороги. Ближе всего было поступить на службу у болѣе важнаго лица, связать его судьбу со своею, биться за него и ѣсть его хлѣбъ.

Для всѣхъ, кто пріобрѣлъ немного образованія, было доступно духовное званіе; а что Вальтеръ обладалъ образованіемъ выше обыкновеннаго, это видно изъ совершенства формъ, глубины и разнообразія его произведеній. Но что оставалось дѣлать тому, кто не чувствовалъ призванія къ духовному сану?

Мы не знаемъ, какіе планы жизни были у Вальтера; мы только можемъ предполагать, что онъ чрезъ какія-то связи попалъ ко двору герцога Леопольда V въ Вѣну, чтобы тамъ искать себѣ службы. Вѣроятно, онъ нашелъ пропитаніе въ свитѣ какого-нибудь вельможи или между придворными самого герцога и при этомъ имѣлъ случай выучиться придворному искусству; во всякомъ случаѣ онъ присоединился къ пользующемуся уваженіемъ лирику Рейнмару фонъ-Гагенау, который былъ лѣтъ на десять старше Вальтера.—разница, имѣющая въ юности болѣе значеніе—и сдѣлался его ученикомъ, хотя, можетъ-быть, это отношеніе и не выразилось въ совершенно опредѣленной формѣ.

Что касается пѣсенъ Вальтера, то до насъ не дошла ни одна, которая была бы написана до его знакомства съ поэзіей Рейнмара. Уже въ самыхъ раннихъ стихотвореніяхъ сильно проглядываетъ вліяніе учителя, и не безынтересно, что, можетъ-быть, первое изъ сохранившихся до насъ стихотвореній Вальтера (Лакм. 90, 15, см. приложение 3) жалуется на бѣдность и пустоту свѣта. Это только пустыя фразы, соединенныя въ одно цѣлое; именно, ему недостаетъ опытности; недовольство проявляется въ юношѣ; свѣтъ не даетъ ему мѣста; его старанія пробиться не имѣютъ успѣха; его бѣдность вездѣ преграждаетъ ему путь. Такія жалобы на свѣтъ очень часто встрѣчаются и

въ позднѣйшихъ стихотвореніяхъ Вальтера. трактующихъ о любви; вѣроятно, это чувство недовольства заставило его итти на чужбину и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалось исходной точкой его дидактической поэзіи. Но всѣ эти жалобы, эти желанія, эта грусть и эти страданія любви— основныя черты, которыя мы находимъ въ поэзіи Рейнмара и которыя имѣли такое сильное вліяніе на Вальтера, что онъ старался подражать своему учителю, послѣдствіемъ чего было то, что его стихотворенія вначалѣ отзывались школой и были лишены свѣжести дѣйствительной жизни. Но зато постепенно замѣчается, что Рейнмаръ перестаетъ служить ему образцомъ. что онъ видимо освобождается отъ чаръ своего учителя и, полный юношескаго мужества, пролагаетъ себѣ новый путь. Вскорѣ отличительными чертами его поэзіи являются свѣжее и непосредственное созерцаніе, тонкое чувство, которое иногда переходитъ въ чувствительность, и пониманіе надлежащаго размѣра. Всѣ эти качества— благородныя Божьи дары поэту. Поэзія Вальтера уже имѣетъ основательность; поэтъ приобрѣлъ чувство собственнаго достоинства: изъ юноши сдѣлался мужъ, который бодро выступаетъ въ свѣтъ, чтобы завоевать себѣ жизнь.

Мы не знаемъ, въ какое именно время Вальтеръ впервые оставилъ вѣнскій дворъ въ качествѣ странствующаго пѣвца; не знаемъ также, при какихъ обстоятельствахъ это случилось. Во всякомъ случаѣ извѣстно, что Вальтеръ много и далеко странствовалъ. Бѣдность и нужда, эта мать и воспитательница столькихъ великихъ умовъ, ускорила развитіе и этого таланта; она принудила Вальтера въ молодыхъ годахъ покинуть свою родную долину, гдѣ его поэтическій геній хотя уже шевелилъ крыльями, но никогда не отважился бы на такой высокій полетъ; она принудила его итти въ свѣтъ, въ общественную жизнь и заставила его ринуться вполне и навсегда въ объятія поэзіи. Гдѣ онъ рассказываетъ о своихъ странствованіяхъ, тамъ онъ упоминаетъ о странахъ, въ которыхъ намъ никогда не пришло бы въ голову искать его. Мы можемъ указать только на отдѣльныя точки его жизненнаго поприща и только во второй половинѣ его жизни, потому что историческія указанія въ его шпрюхахъ ¹⁾ служатъ единственнымъ основаніемъ нашего знанія, а они не всегда ясны и часто даютъ возможность различныхъ толкованій.

Вальтеръ отправился въ качествѣ странствующаго пѣвца, который въ то время, когда не знали безчисленныхъ развлеченій нашихъ дней.

¹⁾ Spruch см. дальше.

всегда былъ желаннымъ гостемъ, которому не только старались сдѣлать пребываніе какъ можно пріятнѣе, но котораго еще и щедро одаривали. Онъ странствовалъ отъ одного княжескаго двора или замка въ другому, проѣзжалъ нерѣдко верхомъ по всему далекому Германскому государству, пѣлъ о древнихъ сказаніяхъ и великихъ событіяхъ настоящаго времени, которыя его устами переносились изъ страны въ страну, а иногда перевозилъ и тайныя посланія. Между тѣмъ, какъ въ маленькихъ постоянныхъ дворахъ и деревняхъ онъ, какъ и всякій другой путешественникъ, платилъ за пріютъ и содержаніе, при дворахъ и въ замкахъ то и другое для него было даровое, и, послѣ непродолжительнаго пребыванія, онъ въ качествѣ пѣвца получалъ въ подарокъ деньги, матеріи, украшенія, лошадь и т. п. Если его искусство и личность нравились хозяину, послѣдній оставлялъ его на болѣе долгое время, иногда принималъ его, быть-можетъ, даже въ число своихъ придворныхъ; въ свое „gesinde“. Потому пѣніе при дворахъ было не униженіемъ пѣвца, а напротивъ знакомъ, что между нимъ и его хозяиномъ существуютъ благородныя, искреннія отношенія. Пѣвца и дворянина Вальтера, навѣрно, встрѣчали съ уваженіемъ.—объ этомъ свидѣтельствуесть его позднѣйшая судьба.

Своимъ пѣснямъ Вальтеръ самъ аккомпанировалъ или на скрипкѣ со смычкомъ, или на маленькой арфѣ, которую пѣвецъ ставилъ на колѣни и упиралъ въ грудь. Но какимъ именно способомъ пѣлись пѣсни, мы не имѣемъ болѣе точныхъ показаній ни отъ самого пѣвца, ни отъ его современниковъ: картины, дошедшія до насъ, также ничего не объясняютъ намъ. Но, такъ какъ ни при одномъ инструментѣ, на которомъ играютъ смычкомъ, невозможно пѣть, въ особенности пѣть такъ, какъ того требуетъ поэзія миннезенгеровъ, а именно, чтобъ содержаніе было ясно слышно слушателямъ и притомъ съ надлежащимъ удареніемъ, то надо предполагать, что пѣвецъ или аккомпанировалъ себѣ на маленькой арфѣ (liet slagen это называетъ Нитгартъ, или Нейдгартъ, позднѣйшій миннезенгеръ и ученикъ Вальтера), или вовсе не аккомпанировалъ своему пѣнію, а только игралъ прежде мелодію, а потомъ пѣлъ.

Вальтеръ самъ сочинялъ мелодіи для своихъ пѣсенъ и шпрюховъ, какъ дѣлали и всѣ значительные миннезенгеры рыцарскаго происхожденія. Вальтеръ именно славился своими мелодіями: Готфридъ Страсбургскій ¹⁾, его современникъ, особенно восхваляетъ его музыкальныя способности; онъ, судя по этому, первый въ ряду великихъ музыкан-

¹⁾ Одинъ изъ рыцарскихъ эпиковъ того времени.

товъ, какихъ произвела Австрія, хотя 'намъ до сихъ поръ не удалось достовѣрно приписать ему какую-нибудь мелодію, сохранившуюся изъ временъ миннезенгеровъ. Нѣкоторыя изъ его пѣсенъ поются какъ бы сами собою,—чувствуешь не только размѣръ, но и интервалы мелодіи. Не менѣе, какъ для ста-одного подобнаго сочиненія, остались у насъ тексты; между ними были объемистые и трудные номера, не считая потерянныхъ. Только одна большая, вполне законченная пьеса находится между ними,—„der Leich“¹⁾. въ остальныхъ же—одна мелодія для нѣсколькихъ строкъ, хотя эти послѣднія иногда по содержанию не имѣютъ тѣсной связи между собою.

Кромѣ собственныхъ пѣсенъ и сочиненій. Вальтеръ, вѣроятно, имѣлъ и сочиненія другихъ поэтовъ. Такъ какъ онъ отправился въ свѣтъ совершенно молодымъ человекомъ, то запаса его собственныхъ произведеній, вѣроятно, далеко не хватало, чтобы удовлетворить публику во время болѣе продолжительнаго пребыванія. Притомъ же мы знаемъ отъ другихъ поэтовъ, какъ придворное общество жаждало новостей и всего волнующаго.

Во время Вальтера въ Германіи отличались два двора въ особенности тѣмъ, что при нихъ больше всего понимали искусство и пѣніе, а также особенно любили ихъ. Это были австрійскій дворъ и тюрингенскій во времена ландграфа Германа, который въ Вартбургѣ близъ Эйзенаха оказывалъ гостепріимство и доставилъ Вальтеру такое же беззаботное убѣжище, какое впоследствии нашли Гёте и Шиллеръ у Карла Августа въ Веймарѣ. Оба двора соперничали другъ съ другомъ въ заботѣ объ искусствѣ, и слава, которую они этимъ пріобрѣли, доносится къ намъ изъ древнѣйшей драмы, „Войны пѣвцовъ въ Вартбургѣ“, такъ какъ въ драмѣ пѣвцы спорятъ о томъ, кто заслужилъ большую славу: Германъ или Леопольдъ Австрійскій. Вальтеръ по нѣскольку разъ жилъ при обояхъ дворахъ продолжительное время; но кажется, что для него пріятнѣе было пребываніе въ Вѣнѣ, чѣмъ въ Эйзенахѣ, по крайней мѣрѣ, при жизни Леопольда VI; въ Эйзенахѣ же ему было тягостно шумное общество многочисленныхъ прѣзжающихъ и уѣзжающихъ гостей. Онъ по поводу этого говоритъ насмѣшливо (Лахманъ 20, 4, см. приложение 4): „У кого болятъ уши, и колетъ въ нихъ, тотъ пусть избѣгаетъ тюрингенскаго двора,—это мой совѣтъ. Если же онъ отправится туда, то оглохнетъ и сойдетъ съ ума. Я боролся противъ этого шума и суеты, сколько могъ. Но напрасно. Днемъ и ночью одна толпа выѣзжаетъ, а другая въѣзжаетъ; чудо, что

¹⁾ Der Leich см. дальше.

еще у кого-нибудь тамъ сохранился слухъ. А какъ къ этому относится ландграфъ? — Со статными героями — мужами, изъ которыхъ каждый могъ бы выступить искуснымъ бойцомъ, онъ сѣдуетъ свое добро. Я знаю его великодушный образъ дѣйствій. Кубокъ рыцаря никогда не стоялъ бы пустымъ, если бы даже бочка вина стоила тысячу фунтовъ¹⁾. Кромѣ того, поэту, какъ видно, не нравился взглядъ Германа на политику. Онъ неоднократно высказываетъ свое неудовольствіе на эйзенбахскій дворъ, не смотря на радушный пріемъ, который онъ находилъ тамъ, изъ чего надо заключить, что служба пѣвца не подавила его свободы духа. Между Леопольдомъ и имъ существовали, кажется, сердечныя, дружескія отношенія, какъ между Гёте и герцогомъ Карломъ Августомъ. Все же Вальтеръ болѣе 10 лѣтъ жилъ у Германа. При другихъ дворахъ онъ оставался болѣе короткое время. Въ 1212 году мы видимъ его у герцога Людовика Баварскаго; вообще, никто изъ тогдашнихъ поэтовъ не велъ такой продолжительной, безпокойной, странствующей жизни, какъ Вальтеръ, несмотря на его стремленіе къ „собственному очагу“.

Тремъ идеаламъ рыцарства: служенію Богу, государю и женщинамъ, которымъ соотвѣтствуютъ три поэтическихъ формы: *Leich*, *Spruch* и *Lied*²⁾, Вальтеръ посвятилъ всю поэтическую силу своей жизни.

1) Фунтъ—вышая монета.

2) Форма придворной лирики, при всей своей простотѣ, обладаетъ величайшимъ разнообразіемъ звуковъ и мелодій, т.-е. размѣромъ стиха и мелодій (*dôn* = размѣръ, *wise* = мелодія; но если *wort* и *wise* противопоставлены другъ другу, то *wort* обозначаетъ содержаніе, текстъ стихотворенія, *wise* — размѣръ стиха и мелодію вмѣстѣ). По формѣ придворная лирика дѣлится на три рода: *Lieder* — пѣсни, *Leiche* — лейхи и *Sprüche* — шпрюхи. Пѣсня состоитъ изъ нѣсколькихъ строфъ, изъ которыхъ каждая дѣлится на три части. Двѣ первыя части, которыя называются „*Stollen*“, имѣютъ одинаковое строеніе и находятся другъ къ другу въ отношеніи послышки и противоположенія. Въ третьей части, заключеніи, которая обыкновенно длиннѣе двухъ первыхъ, эти послѣднія примѣряются другъ съ другомъ. Названіе „*Stollen*“ заимствовано изъ архитектуры; это два вертикально стоящихъ бревна, на которыхъ покоится третье, которое служитъ обоимъ крѣпкой связью; подобно этому лирическая строфа покоится на двухъ столбахъ, которые соединяются въ одно цѣлое. Подобное раздѣленіе мы встрѣчаемъ въ греческой строфѣ, антистрофѣ и эподѣ. Лейхъ въ различіе отъ пѣсни имѣетъ измѣняющуюся размѣръ стиха, болѣе разнообразныя соединенія ритма, вообще болѣе свободную форму. Форма лейха взята изъ древней церковной музыки, и его можно сравнить со многочленностью кавтаты. Здѣсь преобладаетъ музыкальность, такъ какъ и свое названіе *leich* = игра, игровая мелодія, онъ получилъ отъ музыкальнаго инструмента, на которомъ ему аккомпанировали. По своему происхожденію онъ отличается болѣе серьезнымъ, то религіознымъ, то политическимъ содержаніемъ.

Согласно обычаю того времени, и онъ посвятилъ свою музу служенію того загадочнаго существа, которое не есть ни *онъ*, ни *она* и тѣмъ не менѣе съ непреодолимой силой заковываетъ всѣхъ въ свои сладкія и вмѣстѣ съ тѣмъ горестныя оковы (Лакманъ 81, 31, см. приложение 5):

Die Minn' ist weder Mann noch Weib,
Sie hat nicht Seele, hat nicht Leib ¹⁾.
Wie auch ihr Name sei bekannt,
Ihr Wesen keiner noch erfand.
Nicht läßt sie sich vergleichen,
Und doch kannst nie erreichen
Du Gottes Gnade ohne sie.

In falsche Herzen kam sie nie ²⁾

Minne ³⁾, т.-е. любовь составляетъ предметъ его самыхъ раннихъ пѣсенъ. Вильгельмъ Вакернагель того мнѣнія, что любовныя пѣсни Вальтера исключительно обращены къ двумъ лицамъ: къ дѣвушкѣ низшаго сословія и къ женщинѣ знатнаго происхожденія. Что касается деревенской дѣвушки, то, кажется, дѣйствительно, что въ его лучшихъ пѣсняхъ, облеченныхъ прелестью народности, отражается подобная любовь. То онъ предлагаетъ вѣнокъ возлюбленной, то желаетъ имѣть право рвать вмѣстѣ съ ней цвѣты на выгонѣ, то стеклянное кольцо его дѣвушки ему дороже золотого перстня королевы.

Рядомъ съ духовными и политическими лейхами были также такъ называемые *Tanzleiche*—плясовые пѣсни, которыя отличались веселымъ характеромъ. Шпрюхъ—буквально „изреченіе“—состоитъ изъ одной строфы, имѣющей три части, имѣетъ бѣльшей частью политическое или религіозное содержаніе и предназначается для речитатива.

¹⁾ Похожее высказано въ сонетѣ Данте: „*molti volendo dir che fosse Amore*“: *ma io dico ch'Amor non ha sustanza nè è cosa corporal ch'abbia figura*.

²⁾ Это стихотвореніе и нѣкоторыя другія я привожу въ прекрасномъ и точномъ переводѣ на современный нѣмецкій языкъ. Лучшими переводчиками Вальтера считаются Зирокъ, Кохъ и Бартель.

³⁾ Выраженіе „*Minne*“ означаетъ первоначально молчаливое стремленіе и думы объ избранницѣ сердца, слѣдовательно, означаетъ любовь съ ея внутренней, душевной стороны (на санскритскомъ языкѣ корень *man* значитъ помнить, по-латыни *meminisse*, на древневерхненѣмецкомъ *meinal*—помнить, *meina*—воспоминаніе, мечтательное расположеніе духа, какъ нѣмецкій глаголъ *meinen* изъ *minnen*—сердечно любить,—хотя въ этомъ значеніи *meinen* уже теперь не употребляется.

Духъ любви, какимъ онъ является въ пѣсняхъ провансальцевъ, въ общихъ чертахъ созданъ для поэтическихъ цѣлей. Поэтъ выбиралъ предметомъ своихъ пѣсенъ даму, которая казалась ему достойнѣйшей. Было все равно, замужняя она или нѣтъ, о серьезномъ же искательствѣ здѣсь не могло быть рѣчи, и почти не было примѣра, чтобы за подобной любовью слѣдовало супружество. Подобныя отношенія съ обѣихъ сторонъ имѣли цѣлью почести и славу. Пѣвецъ бѣльшею частью избиралъ дочь или родственницу, если не супругу покровителя, въ замѣкъ котораго онъ находился. Дама же должна была радоваться, что имѣетъ пѣвца, который прославляетъ ея имя и распространяетъ хвалу о ней далеко за предѣлы ея родины. Быть прославленной въ пѣсняхъ благородныхъ рыцарей было для женщинъ тогдашняго придворнаго общества предметомъ моды, безъ котораго онѣ не могли обойтись. Біографъ трубадура Раймона фонъ-Мираваля рассказываетъ намъ, что Раймонъ, сильно желая славы, хвалы и почестей, влюбился въ молодую, прекрасную, благородную даму Алазаисъ (Аделаиду), и она, хорошо зная, что этотъ поэтъ преимущественно предъ всѣми другими можетъ доставить блескъ ея имени, съ радостью дозволила ему любить себя. Раймонъ изъ всѣхъ силъ старался восхвалять ее, такъ что многіе князья и господа ухаживали за ней, и даже Пейръ, король Арагонскій, не зная ея, только на основаніи хвалебныхъ пѣсенъ поэта, посредствомъ богатыхъ подарковъ искалъ ея любви. Подобные примѣры встрѣчаются въ жизни многихъ другихъ трубадуровъ. Поэты сами свидѣтельствуютъ о страсти къ славѣ своихъ покровительницъ. Фольке Марсельскій говоритъ: „Такъ какъ ей нравится, чтобы я превозносилъ ея достоинства въ моихъ пѣсняхъ, то и меня надо восхвалять за это, потому что ея хвала требуетъ умнаго возвѣстителя“. Рамбо фонъ-Вакерасъ говоритъ: „Она требуетъ, чтобы я въ своихъ канцонахъ воспѣвалъ ея достоинства и ея прекрасную фигуру“. А въ другомъ мѣстѣ Фольке опять говоритъ: „Было бы милостью съ ея стороны, если бы она согласилась принять меня, потому что я распространю ея славу во многихъ благородныхъ обществахъ“. Въ пѣсняхъ нѣмецкихъ миннезенгеровъ, напротивъ, — тонкая и исполненная такта черта, благодаря которой не объявляютъ всему свѣту имени дамы своего сердца, но заботливо скрываютъ его. Такъ, Вальтеръ скрываетъ имя своей повелительницы, называя ее въ одной пѣснѣ Гильдегундой, — намекъ на стихотвореніе о Вальтерѣ и Гильдегундѣ, которое принадлежитъ къ циклу нѣмецкихъ сказаній. —

Однако, сперва рассмотримъ, какъ Вальтеръ сталъ выдающимся придворнымъ пѣвцомъ, и до какой степени совершенства довелъ онъ нѣмецкую лирику.

Мы не знаемъ, гдѣ пѣлись пѣсни, которыя будутъ рассмотрѣны здѣсь; бѣльшей частью, вѣроятно,—на чужбинѣ, нѣкоторыя и во время пребыванія при вѣнскомъ дворѣ, гдѣ мы должны предполагать пребываніе повелительницы.

Онѣ по времени, вѣроятно, лежатъ гораздо дальше другъ отъ друга, чѣмъ какъ то кажется въ нашемъ изложеніи; но невозможно ихъ раздѣлять иначе безъ того, чтобы не пострадали связь и отношенія ихъ другъ къ другу.

Внезапно пробуждается уже въ болѣе зрѣлыхъ лѣтахъ въ поэтѣ любовь къ прекрасной знатной женщинѣ. Онѣ любовался ею, когда она со своими служанками шла отъ купанья, и его воображеніе рисуетъ ему ея великолѣпное тѣло. Онѣ начинаетъ превосходно и съ чувствомъ полного собственнаго достоинства. какъ прилично пѣвцу, пѣсня котораго раздавалась на далекое пространство (Лахманъ 53, 25, см. приложение 6): „Я видѣлъ чудную женщину; ахъ, если бы она поблагодарила меня! Потому я высоко прославляю ея красоту въ моей лучшей пѣснѣ. Я охотно служу всѣмъ женщинамъ, но эту избралъ себѣ. Пусть каждый смотритъ на ту и восхваляетъ ту, которая ему нравится. Пусть онѣ даже выражается моими словами,—я на это не буду въ претензіи: я восхваляю здѣсь, онѣ—тамъ“.

Радостная надежда послѣ нѣкотораго грустнаго времени выражается въ его прекрасной пѣснѣ (Лахманъ 42, 15, см. прилож. 7). „Не хочеть ли кто быть опять веселымъ?“ спрашиваетъ поэтъ и упрекаетъ молодыхъ, что они, сердце которыхъ должно расширяться отъ веселія жизни, предаются скучной грусти. Имѣ и богатымъ прилично быть веселыми. Госпожа фортуна слѣпо раздѣлила свои дары: богатому она даетъ мрачное расположеніе духа, бѣдному поэту—веселье: поэтъ охотно отдалъ бы частичку веселья и вымѣнялъ бы на него часть достоянія. Потомъ Вальтеръ продолжаетъ съ большимъ чувствомъ: „Кого удручаетъ тайная забота, тотъ думай о прелестной женщинѣ,—онѣ будетъ освобожденъ отъ нея, и думай себѣ о счастья свѣтлыхъ дней! Моимъ лучшимъ утѣшеніемъ въ грустныя времена было это. Съ мрачными днями на меня нападаетъ тоска. Тогда мнѣ помогаетъ степь ¹⁾, потому что она стыдится своей грусти: когда зеленѣетъ лѣсъ, и она скоро краснѣетъ“ ²⁾. Еще возвышеннѣй настроеніе поэта въ полноявучныхъ стихахъ слѣдующаго стихотворенія (Лахманъ 45, 37, см. прилож. 8):

¹⁾ Т.е. тогда я слѣдую примѣру степи и стыжусь, какъ она, что напрасно былъ грустнымъ.

²⁾ Верескъ, какъ извѣстно, имѣетъ красноватый цвѣтъ.